Ночь нехотя спускалась на землю.

Бах! Бах!

Последняя серия ударов потонула в завываниях ветра, словно сдавая бой. Ли Гуаньци с трудом осознал, что уже полночь, и досадливо нахмурился.

— Дедушка сегодня не вернётся? Тц. Забудь. Может, он спустился с гор, чтобы купить вина.

Пробормотал он и потёр лоб. А когда вышел за дверь, в уголках его губ играла едва заметная насмешливая улыбка.

Одетый в серое юноша скользил сквозь ночь самонадеянным призраком.

Он легко вспрыгнул на крышу и, ступая мягко, словно кот, вскоре оказался над внутренним двором соседнего дома. Ли Гуаньци усмехнулся и спустился вниз, привычно цепляясь за глинобитную стену, почти на чи* выше его роста.

Большой жёлтый пёс, лениво дремавший у ворот, учуял незнакомый запах и медленно открыл глаза.

Шлёп!

Чья-то ладонь резко ударила по широкой жёлтой морде, на миг ошеломив животное. Пёс открыл пасть, чтобы залаять…

Шлёп! Шлёп!

— Тихо!

Пёс получил ещё два звонких шлепка, поднял на обидчика затуманенные слезами глаза, но увидел твёрдый взгляд мальчишки и не залаял. Поджав хвост, незадачливый сторож торопливо убрался восвояси, на ходу оглядываясь на дом Чжао.

Пробравшись во двор к Чжао Бэйчэню, Ли Гуаньци неторопливо побрёл вдоль дровника: в конце пути его ждали два гнезда с яйцами. Юноша не сдержал улыбки, когда извлёк из гнёзд семь или восемь яиц, которые уютно устроил у себя на руке. А те три, что не поместились… с силой встряхнул другой рукой и удовлетворённо положил на место.

Потом тихонько пробрался к грядкам, где росли овощи: редис, огурцы, баклажаны и кукуруза, — с аппетитом откусил от всего и решительным шагом направился к колодцу.

Плюх! Хс-с, хс-с!

Он наморщил нос, принюхиваясь, и сказал сам себе:

— Так я и думал, после тётушкиной стряпни всегда остаётся сильный, стойкий запах. Хотя он не так уж плох.

Юноша ещё раз втянул ноздрями воздух, его охватила дрожь — то ли озноб, то ли радость: учуял свиней в свинарнике. Улыбка стала совсем озорной.

— Не переживайте, мои дорогие хрюшки, я не забыл о вашей роли в празднике!

Ли Гуаньци аккуратно выудил из кармана лекарственный порошок, тщательно завёрнутый в шелковичную бумагу, и, оглядев трёх свиней, не удержался от ещё одной проделки — с лукавым видом высыпал порошок прямо в кормушку.

— Позвольте-ка сдобрить ваш ужин, малютки. Это, друзья мои, очень сильное слабительное. Наслаждайтесь. Не дайте моей доброте по отношению к Чжао Бэйчэню пропасть даром.

Он уже мысленно предвкушал в каком печальном состоянии будет соседский свинарник к утру, по спине пробежали мурашки. Чжао Бэйчэню, несомненно, достанется приятнейшее задание вычистить его. Покончив с этим, Ли Гуаньци прислушался и понимающе хихикнул.

— Ц-ц-ц! И чего это у старика Чжао так шумно посреди ночи?

Есть! Он обернулся, его глаза уловили мерцающий свет свечей.

Тихонько подойдя к окну, Ли Гуаньци не удержался и заглянул внутрь: послюнявил палец, протёр крошечный глазок в запылённом стекле и возликовал.

— Великолепно...

Но вскоре с сожалением покачал головой и поднял глаза к небу, словно пытаясь прикрыть свои истинные мысли притворным разочарованием.

— О, Небеса! Почему этот мир такой чёрно-белый? Зачем тогда открывать мой мысленный взор?

Однако быстрее, чем благовонная палочка сгорает наполовину, второй сын семьи Чжао решил, что с него хватит. Удручённый Ли Гуаньци выбрался со двора, бормоча:

— И это всё? Похоже, второй сын семьи Чжао никак не смирится с мыслью об ещё одном ребёнке.

Уже знакомый большой жёлтый пёс прилёг отдохнуть у входной двери дома. Почуяв опасность, он открыл глаза, увидел всё того же возмутителя спокойствия и поспешил ретироваться.

И тут…

Земля едва заметно содрогнулась. А несколько вдохов спустя с неба донёсся оглушительный грохот.

Юноша бросил быстрый взгляд на север и ничего не увидел. Не придав значения странному происшествию, он вернулся домой. В постели Ли Гуаньци почувствовал подавленность и сонливость и вскоре уснул.

Глубокой ночью под ивой у входа в деревню появились два человека.

Тощий старик, попыхивая трубкой, повернулся к своему спутнику и язвительно заметил:

— Он и тебя призвал?

Ман Цзянчу пожал плечами.

— А ты думал я останусь в стороне от такой суматохи? Тем более он передал нам сообщение на расстоянии тысячи миль, Чжан Цисюань!

Старик лишь улыбнулся, решив не отвечать. Однако когда их внимание привлекла шахматная доска с незаконченной партией, от их безмятежности не осталось и следа.

— Старик Ман, настоятельно рекомендую взглянуть на доску!

Ман Цзянчу, оказавшийся отцом Ман Ваньшу, бросился к доске. Его лицо утратило краски. Он взмок. Тощий постучал трубкой о край доски, встал и шепнул:

— Вероятно, сегодня ночью он бросит нам вызов.

На шахматной доске три чёрные фигуры были окружены многочисленными белыми, чёрным оставался лишь один ход. Послание яснее ясного: не согласитесь с требованиями Су Сюаня, он уничтожит всех троих! Очевидно, Лу Тяньчэн не смог прийти к компромиссу, что и вызвало

подземные толчки, разошедшиеся на многие мили вокруг.

Двое под ивой молча переглянулись, пространство между ними едва заметно исказилось. Из пустоты медленно материализовался Су Сюань в сером, слегка потрёпанный, но по-прежнему надменный. Ман Цзянчу прищурился, его взгляд стал жёстким: он увидел чёрные ножны в руке новоприбывшего.

— А где друг Лу?

Су Сюань махнул рукой в сторону доски и спросил:

— Вы хорошо рассмотрели?

Ман Цзянчу кивнул. Чжан Цисюань сгорбился, с хитрой улыбкой постучал трубкой и поинтересовался:

— Какая разница, смотрели мы или нет, право слово?

Старик в сером не ответил — вместо ответа он неторопливо снял чёрные как смоль ножны с пояса, и их захлестнула кипучая духовная энергия неба и земли. Су Сюань сжал руку. В руке начала конденсироваться красновато-золотистая энергия меча.

Тощий замер как вкопанный, не в состоянии пошевелиться, его будто связала неведомая сила. По лбу стекал холодный пот.

Ладонь Су Сюаня стиснула рукоять только что созданного меча, и с неба низверглась ужасающая сила. Окружавшая их пустота, расколотая громом и молниями, пошла крупной рябью.

— Бессмертные старики, с вами столько хлопот… По-хорошему не понимаете, да? Мне самому прибыть к Таинственным Вратам и найти вас? Неужели вы с такой лёгкостью отбросите свои воплощённые аватары?

Чжан Цисюань неотрывно смотрел на чёрные ножны. Вдруг в голове промелькнуло давно забытое имя, которое постепенно слилось с тем, кто стоял перед ним. В тот же миг, его сердце наполнилось безграничным страхом. Задрожав всем телом, он попытался сказать:

— Вы… Вы…

Бум!

На него обрушилось чудовищное давление, заставив и без того сгорбленное тело упасть на колени. Голову с силой пригибало к земле, но Чжан Цисюань даже не думал сопротивляться. Если это действительно тот, о ком он думает, он обязательно придёт к Таинственным Вратам и отыщет его истинное "я".

Тощий старик хрипло произнёс:

— Ваше превосходительство, пожалуйста, я покину Великую Ся. Немедля!

Бум!

Энергия меча рассеялась. Су Сюань широко улыбнулся.

— Так-то лучше. Видишь ли, я считаю себя человеком разумным. И обожаю убеждать других при помощи логики. Я не слишком люблю прибегать к насилию.

Ман Цзянчу проворчал:

— А как же Лу Тяньчэн?

Су Сюань пожал плечами и пробормотал, пристёгивая ножны обратно к поясу:

— С ним покончено. Ничего не поделаешь, он не прислушался к голосу разума.

*Китайский фут, равен примерно 33 см (в древности 24-27 см).

http://tl.rulate.ru/book/98242/3323476